КАРТИНЫ ИЗЪ РУССКАГО БЫТА

УДАВЛЮСЬ, А НЕ СКАЖУ

Такая бѣда припала, говорилъ полтавскій казакъ своему товарищу, выколачивая коротенькую люльку о каблукъ: — такая бѣда, что хоть плачь: тутъ подай да подай, и передышки не даютъ, чтобъ были къ Покрову; а гдѣ ихъ у чорта возьмешь?

— Не поминай его, сказалъ другой: — нехорошо....

— Ничего, перебилъ первый: — меня чортъ не обманетъ: я про него молитву знаю; за то, братъ, ты ужь никогда не услышишь, чтобъ я ругался, и не терплю за то москалей, что они ругаются. А бѣда, козаче, хоть волкомъ вой.

— Да вѣдь у тебя никакъ было еще карбованцевъ съ десятокъ за Семеномъ Могарычемъ, съ весны, когда онъ у тебя воловъ купилъ?

— Э, вотъ тото, братъ, что въ копнахъ не сѣно, въ потравѣ не хлѣбъ, а въ людяхъ не деньги! Семенъ Могарычъ себѣ на умѣ, не отдаетъ — что съ нимъ дѣлать станешь? говоритъ: подожди.

— Экой старый хрѣнъ, Богъ его суди! Да у него жь денегъ до чорта, сказалъ второй казакъ, позабывъ увѣщанiе свое не поминать его, и, опомнясь, плюнулъ: — да у него, Господи прости, цѣлая скрыня деньгами набита!

— А что жь съ нимъ дѣлать станешь, продолжалъ первый: — мы въ его скрыню не полѣземъ; не отдаетъ, да и полно, говоритъ: нѣтъ теперь. Ужь это такой человѣкъ, самъ ты знаешь, кремень — его не разжалобишь.

— Экой недобрый Семенъ.... о, да хитрый же старикъ: вѣдь что ты думаешь, для чего онъ не отдаетъ тебѣ денегъ? Вѣдь это онъ все дѣлаетъ, чтобъ люди не знали о деньгахъ его, хочетъ, чтобы его считали бѣднякомъ; чтобы говорили, вотъ какiе тяжелые года, всѣмъ тошно, всѣмъ душно: вотъ и сердяга Семенъ Могарычъ извелся совсѣмъ; семья большая, всѣхъ кормить

надо, одѣть надо, — а тутъ подушное; и не стало силъ, и не оплачиваетъ. Видно, нѣтъ у него ничего въ залишкѣ, видно, люди все врали.... вотъ онъ чего хочетъ, да! Ну, съ Богомъ! прощай, братъ, прощай! пора и намъ за свое дѣло приниматься.

Потолковавъ такъ о Семенѣ Могарычѣ и о своей бѣдѣ, казаки разошлись; а Семенъ Могарычъ, между тѣмъ, сидѣлъ дома на хуторѣ своемъ, сидѣлъ на печи, покрякивалъ отъ дряхлости и нездоровья, особенно по ночамъ. Долговъ онъ не платилъ, семью свою кормилъ и одѣвалъ плохо и все отзывался нищетою. Молва считала Семена богачемъ; а онъ увѣрялъ, что такіе слухи распускаютъ злодѣи его. Оксана, жена его, плакалась на свою лихую годину и съ трудомъ только могла поддерживать домъ. Бывало жили они хорошо, зажиточно, какъ слѣдуетъ порядочнымъ хуторянамъ. Былъ скупъ Семенъ всегда, но въ мѣру, и, что было нужно, въ томъ не отказывалъ; а теперь чѣмъ болѣе сталъ старѣться и дряхлѣть, тѣмъ становился скрытнѣе, молчаливѣе, упрямѣе и скупѣе. «Семенъ! говоритъ она

ему бывало: — Бога ты не боишься. Что ты дѣлаешь, куда ты деньги бережешь?» — Какія у меня, у чорта, деньги, скажетъ онъ, отворотится и молчитъ, хоть она ему часъ голову грызи и разсказывай о томъ, какъ на него плачутся добрые люди, которымъ онъ не платитъ долговъ; какъ дочери его, невѣсты на выходѣ, сидятъ по праздникамъ дома, потому что имъ стыднехонько въ люди показаться: ни кофточки, ни плахточки, ни хусточки, ни красныхъ черевичковъ.... Семенъ молчитъ, какъ не живой, и даже не стонетъ, покуда Оксана не окончитъ свои причитанья, и тогда ужь вздохнетъ и, если боль пересилитъ его, опять себѣ закряхтитъ. Ударитъ она руками объ полы, вздохнетъ и сама и отойдетъ опять къ своему дѣлу.

Зиму всю Семенъ просидѣлъ на печи да кряхтѣлъ, и Оксана, хоть и видѣла, что старику плохо, утѣшала себя тѣмъ, что вотъ–де придетъ весна, потеплѣетъ, тогда дастъ Богъ–де ему полегшаетъ, авось отойдетъ. Тогда онъ придетъ опять въ свой умъ, можно будетъ и поговорить съ нимъ по старому, какъ бывало прежде, и

заставить сдѣлать по домашности, что нужно. Но весна–красна пришла и стало время уже подходить къ Пасхѣ, которая была на тотъ разъ самая поздняя, а Семену не легче, только все хуже да хуже. Ужь онъ третій мѣсяцъ не только съ мѣста не сходитъ, но ужь не сидитъ больше, все лежитъ — и лежитъ отворотившись отъ свѣта и добрыхъ людей, лицомъ къ стѣнѣ, а спиной къ Божьимъ иконамъ; а это, какъ всякому извѣстно, примѣта самая дурная: значитъ, человѣкъ умретъ.

«Что я съ нимъ буду дѣлать? плакалась Оксана добрымъ бабамъ: — умираетъ совсѣмъ, вотъ помретъ на этой недѣлѣ, и до Святой не доживетъ, за грѣхи наши, а насъ сиротъ покинетъ и нагихъ и голыхъ, не скажетъ, гдѣ у него деньги, такъ и помретъ. Что мы тогда горемычные дѣлать станемъ? Вѣдь деньги–то у него зарыты гдѣ–то, ей–Богу; вотъ почему онъ сердечный и отъ долговъ своихъ отказывается и добрыхъ людей въ грѣхъ вводитъ, и скотинку изъ дому нужную продаетъ на домашнюю потребу, что деньги зарыты въ яму, самъ итти за ними не сможетъ, а намъ никому

сказать не хочетъ; такъ и молчитъ.... Ужь и сыновья кланялись ему въ ноги разъ по десяти, и дочери руки цаловали, и я горемычная сколько разъ слезами обливалась — нѣтъ, молчитъ, какъ воды въ ротъ набралъ, не говоритъ ничего, развѣ только проворчитъ про себя: какія у меня, у чорта, деньги... и опять лежитъ, ровно его нѣтъ.» — Вотъ сосѣдки, утѣшая Оксану, посовѣтовали ей приложить на ночь ломтикъ хлѣба къ ногѣ старика, подъ подошву, и послѣ дать собакѣ да поглядѣть, станетъ ли она ѣсть хлѣбъ этотъ. Коли станетъ ѣсть, то старику еще жить, а коли не станетъ, то, видно, ему умереть, и тогда-де надо подумать, что дѣлать и какъ быть.

Сдѣлала Оксана, что ее научили добрые люди, и пришла на другой день къ сосѣдкамъ вся заплаканная: не ѣстъ собака хлѣба — видно, старику умереть!

Посовѣтовались, потолковали опять и рѣшили итти къ попу, просить его помощи. Не сказавъ объ этомъ Семену, не смѣли привести попа, чтобъ не вышло хуже: принялись всей семьей уговаривать его, что, сохрани Богъ, умретъ безъ попа: большой

грѣхъ будетъ. Долго Семенъ отговаривался, не надо, да и только; наконецъ кой–какъ уломали его, и сынъ тотчасъ поѣхалъ на село. Священнику ужь напередъ разсказали все дѣло, дружно, всей силой, въ пять или шесть голосовъ, и просили усовѣстить старика, чтобы онъ денегъ своихъ на тотъ свѣтъ съ собою не уносилъ, сиротъ горемычныхъ не покидалъ въ бѣдѣ и нищетѣ, а сказалъ бы хоть кому нибудь одному, хоть старшему сыну, гдѣ у него схоронены деньги.

Будто нехотя Семенъ принялъ священника, кряхтѣлъ, жмурился, но, между тѣмъ, какъ христіанинъ, понималъ, что нужно исполнить этотъ долгъ, чтобы не погубить души своей и не покинуть нареканія на всю семью. Онъ кряхтѣлъ, стоналъ и отмалчивался, будто ему тяжело говорить, но таки волей–неволей далъ духовнику отвѣтъ и привѣтъ, въ немногихъ словахъ, и долженъ былъ сознаться, что у него, точно, есть деньги и что зарыты они, для безопасности отъ недобрыхъ людей и отъ огня, въ лѣсу. Несмотря, однако же, на всѣ убѣжденія попа, Семенъ больше этого

сказать не могъ или не хотѣлъ, а кончилъ тѣмъ, что обѣщался непремѣнно показать мѣсто на другой день либо на третій старшему сыну своему и подтвердилъ то же самому сыну этому и женѣ, когда панъ–отецъ позвалъ ихъ, чтобы обрадовать покаяніемъ и добрымъ расположеніемъ Семена. Вся семья радовалась и умилялась надъ этимъ счастливымъ событіемъ и благословляла священника за его доброе дѣло.

Пришелъ другой день, и день этотъ былъ день общей радости, веселья и празднества не только въ домѣ Семена Могарыча, гдѣ отецъ лежалъ на смертномъ одрѣ — а потому и радость была не въ радость — но и по деревнямъ и селамъ, на всѣхъ хуторахъ, во всѣхъ концахъ и по всему лицу Россіи: это былъ день Свѣтлаго Воскресенья Христова.

Звонъ колоколовъ раздавался по чистому весеннему воздуху издалече, черезъ долы и пригорки; солнышко ярко освѣщало свѣжую зелень, легкій вѣтерокъ переносилъ и легкій паръ, и теплое дыханіе весны, и отдаленный звонъ изъ окружныхъ

церквей, который слышался на уединенномъ, тихомъ хуторѣ Семена Могарыча. Онъ былъ дома одинъ: старъ и малъ, Оксана съ дочерьми и сыновьями, отправились къ заутренѣ, и, во уваженіе такого святаго праздника и добраго намѣренія старика, Оксана одѣла и убрала дочерей, какъ могла, и даже не упрекнула его ни разу тѣмъ, что у нихъ нечего надѣть.

Приходятъ всѣ домой, спокойные, довольные, хоть и не очень веселые, хоть, можетъ быть, и смутные, приходятъ въ умиленіи, что Богъ далъ дожить и имъ и отцу до такого святаго праздника и что отецъ раздобрился до нихъ, обѣщалъ наградить ихъ за долгое терпѣніе и смиреніе, указать, гдѣ у него лежатъ деньги; а смутные потому, что грустно было имъ подумать о томъ, въ какомъ положеніи найдутъ они дома старика своего, доживетъ ли онъ до будущаго утра; робкіе, опасаясь, не отдалъ бы онъ Богу душу прежде, чѣмъ успѣетъ исполнить свое обѣщаніе, или не ослабъ бы до того, что уже не сможетъ этого сдѣлать, еслибъ и захотѣлъ.

Помолились еще разъ усердно Богу, разговѣлись, — а старикъ, собравшись съ послѣдними силами, не только опять сидѣлъ, чего давно не бывало, но даже, съ помощію сыновей, привсталъ было для молитвы на ноги. Скоро, однако же, онъ ослабъ снова, легъ, завернулся и укрылся тулупомъ своимъ и лежалъ, какъ не живой. Немного погодя домашніе стали посматривать на него, безпокоиться и перешептываться. Оксана подошла и стала осторожно смотрѣть въ лицо Семена, а Семенъ и самъ глядитъ на нее во всѣ глаза и молчитъ.

— Что жь, Семенъ? сказала она: — радостный день пришелъ: сдѣлай, что ты обѣщалъ панъ–отцу, и Богъ тебя не оставитъ. Мы всѣ выйдемъ отсюда, оставимъ съ тобой одного старшаго, Опанаса: поговори съ нимъ, открой ему душу свою. Онъ у насъ замѣстъ отца, пусть онъ одинъ и знаетъ, что есть у насъ и гдѣ оно лежитъ....

Семенъ помолчалъ, вздохнулъ, приподнялся самъ, безъ всякой помощи и,

сидя, сказалъ твердымъ голосомъ, какъ давно уже не говаривалъ:

— Запрягайте мнѣ гнѣдка въ повозку, да скорѣе.

Сыновья, услышавъ это, бросились, обрадованные, исполнить отцовское приказанiе и черезъ нѣсколько минутъ пришли сказать, что лошадь готова. Они оба стояли передъ отцомъ, ожидая приказанiй его и полагая, что онъ велитъ одному изъ сыновей ѣхать, сказавъ, гдѣ и что искать.... но Семенъ посмотрѣлъ на всѣхъ, вздохнулъ, спустилъ ноги наземь и сказалъ твердымъ голосомъ: «подайте мнѣ чоботы, поясъ и шапку.... и свиту новую подайте....» Не смѣли отъ изумленiя ни спорить съ нимъ или уговаривать его, ни даже спрашивать, что онъ хочетъ дѣлать, а подали ему одѣться. Онъ самъ натянулъ чоботы, всталъ на ноги, надѣлъ свиту, подпоясался, надѣлъ шапку и твердымъ шагомъ, молча, пошелъ къ дверямъ.... Оксана испугалась, бросилась къ нему, стала спрашивать и уговаривать, но онъ отвѣтилъ только: «а ну прочь, я самъ

поѣду» и вышелъ на дворъ. Сыновья вышли за нимъ, также въ шапкахъ, полагая, что отецъ кому нибудь изъ нихъ велитъ съ нимъ ѣхать; но отецъ все молчалъ, молча сѣлъ въ повозку и молча взялъ въ руки возжи.

— Господи! что это будетъ? проговорила Оксана: — вѣдь ты одинъ не справишься, сохрани Богъ съ тобою бѣда какая.... и принялась уговаривать мужа взять съ собою одного изъ сыновей.

Семенъ, молча, какъ будто кивнулъ головой. Остапъ вскочилъ на повозку, лошадь тронулась; но въ воротахъ Семенъ громко закричалъ: стой! и велѣлъ сыну сойти. «Не надо, говорилъ онъ: — не хочу; одинъ поѣду.» Никакое убѣжденіе не могло заставить его взять съ собою кого бы то ни было. Проговоривъ еще разъ: «не хочу, одинъ поѣду», онъ отправился въ путь. Всѣ домашніе вышли за нимъ слѣдомъ за ворота, кто просто дивился, кто напутствовалъ старика благословеніями. Такъ онъ въ телѣжкѣ перевалился черезъ горку и скрылся. Никто не посмѣлъ итти за

старикомъ, который повременамъ оглядывался, и Остапъ подумалъ только про себя: «видно, деньги, какъ и люди говорятъ, и вправду зарыты въ терновой балкѣ: отецъ въ ту сторону поѣхалъ.»

Прошло нѣсколько часовъ. Пора ужь и обѣдать; а Семена нѣтъ. Оксана стала крѣпко безпокоиться и наконецъ послала сыновей искать отца, не случилось ли чего съ нимъ. «Вѣдь онъ совсѣмъ умиралъ, и Богъ его знаетъ, какъ ему вдругъ полегшало и отпустило, и сѣлъ и поѣхалъ себѣ, какъ здоровый....»

Сыновья воротились вечеромъ, пройдя всю терновую балку, но ни отца, ни лошади съ повозкой не нашли. Въ домѣ поднялась тревога и сошлись сосѣди изъ двухъ близкихъ хуторовъ. Что дѣлать? Куда итти искать отца?

Вдругъ кто–то увидалъ лошадь съ пустой телѣгой, скакавшей поперекъ степи и поля къ дому, совсѣмъ не съ той стороны, куда отецъ поѣхалъ. Кинулись встрѣчу: въ телѣгѣ свита, и поясъ, и шапка семеновы, и кнутъ; а его самого нѣтъ.

Разсчитавъ, что лошадь, вѣрно, ближайшимъ путемъ пришла домой, всѣ пошли гурьбой прямо по этому направленію и разсыпались съ ауканьемъ по небольшому лѣсистому овражку, верстахъ въ двухъ отъ хутора.

Уже смерклось. Люди прошли почти весь лѣсокъ, не найдя ничего; вдругъ одинъ остановился и сталъ кричать не своимъ голосомъ, сзывая прочихъ.... передъ нимъ на деревѣ висѣлъ старикъ Семенъ. Не могши ни отдѣлаться отъ докуки и настояній семьи своей, ни разстаться со своимъ кладомъ, онъ удавился. Удавиться ему было легче, чѣмъ показать обнищавшему семейству своему, гдѣ у него зарыты деньги.

В.ДАЛЬ